

ОЛЕГ КОМКОВ

ТИХОЕ ВЕЧЕ

Чикаго 2016

Олег Комков. Тихое вече. Чикаго, 2016.
115 с.

В сборник вошли три поэтические книги Олега Комкова, написанные в период с 2010 по 2016 годы и ранее целиком не публиковавшиеся: «Предсонье», «Тихое вече», «ΕΙΣ ΕΑΥΤΟΝ».

ISBN 9781523825776

© Олег Комков, 2016

© Сергей Александровский, 2016, предисловие

Автор выражает сердечную благодарность своим друзьям и коллегам Лилии и Сергею Александровским, Татьяне Берфорд, Андрею Кроткову, Юрию Лукачу, Вадиму Молóдому и Вере Хорват за поддержку и участие, без которых эта книга едва ли вышла бы в свет.

БЕССМЕРТНЫМ ДУХОМ РДЕЮЩИЕ ДЕЛЬФЫ

...И памяти сверкающие шельфы
любовью наводняет тот же глас,
которому, смутясь, внимали гвельфы;

и перед взором просветлённых глаз
стоят во мгле миров, во всякий час,
бессмертным духом рдеющие Дельфы.

Олег Комков

«...Конечно, знания историка и филолога не засчитываются поэту. От поэта требуют иного...»¹

А засчитывается ли поэту знание, допустим, орнитологии? Нужны ли поэту хотя бы простейшие сведения о жизни пернатых? Ведь и впрямь, от поэта требуют иного. Однако навряд ли даже хрестоматийному классику Алексею Николаевичу Плещееву пристало кормить зернами насекомоядную ласточку...

Нет, по самой природе литературного творчества засчитываются поэту любые знания — и чем их больше, чем они разнообразнее, тем лучше.

Ибо писать возможно лишь о том, что известно тебе — и хорошо известно. Ежели знать мало, создаваемый поэтический мир сожмется и превратится в мирок, серый и крошечный, никому не любопытный

---

¹ Сергей Аверинцев. Вячеслав Иванов. В кн.: Вячеслав Иванов. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта. Малая серия, издание третье. Л., «Советский писатель», 1976. Стр. 20.

...в длину и в ширину
Давно измеренный тремя шагами.
(Константин Симонов)

А в том одна из поручаемых поэту задач, видимо, и состоит: быть своеобразным демиургом, по мере сил творить состав окружающего нас бытия.

Я пишу краткое вступление к «Тихому вечу» с неподдельной радостью и немалой гордостью. Радостью — поскольку мне выпал случай представить читателю явление, в отечественной поэзии незаурядное, а гордостью — поскольку досталась эта литературская честь именно мне.

Не берусь гадать, какой именно «удельный вес» обретут со временем стихи Олега Комкова, но уверенно говорю: перед нами обширный, богатый, многокрасочный и — не убоимся доброго старого слова — пленительный мир, вызванный к жизни уже многоопытным, зрелым автором, чей Божий дар несомненен, а знания огромны.

«Истолкователем художника может быть только мудрец» (В. Брюсов)². Мудрецом пишущий эти строки себя отнюдь не числит. Да и вообще, вести беседу о чисто поэтической стороне стихотворений полюбившихся — неблагоприятное и бессмысленное занятие: здесь обычно терпел неудачу даже автор вышеприведенной

---

² Валерий Брюсов. Собр. соч. в семи томах. М., «Художественная литература», 1975. Том шестой, стр. 49.

цитаты, коему ни ума, ни проницательности, ни таланта было не занимать статью.

Стихи неудачные или откровенно плохие — совсем иное дело, там критику-истолкователю и пожива, и простор. Однако Олег Комков относится к тем редким поэтам, у которых нет произведений слабых или вялых (отнюдь не проводя параллелей и ничего не сопоставляя, вспомним, к примеру, Тютчева и позднего Заболоцкого).

О стороне формальной говорить куда легче и разумнее.

Классическая изысканность Комковской лирики — большей частью одновременно суггестивной и философской, что само по себе восхищения достойно — порождается, среди многого прочего, безупречной стихотворной техникой. Сонеты нынче, хорошо ли, худо ли (чаще, увь, худо), выучились писать многие, — но часто ли встречаются в нынешней оригинальной поэзии *такие* сонеты?

* * *

Твой сон — дитя. Беспечною рукой
Погладит прядь, мерцающую златом,
И гасит явь, подобен тем закатам,
Что льнут устало к мягкой мгле мирской.

Ужель забыл о бытии крылатом,
К тебе прижавшись пухлою щекой?
И млеющий младенческий покой
Овеял губы млечным ароматом.

Твой сон — дитя. Ему приснишься ты,
Обласканная облаком постели,
Облечена в молчанье и мечты, —

И, к ночи прикасаясь еле-еле,
Блаженно мреют бледные черты,
Колеблемые в лунной колыбели.

Или безукоризненные сапфические строфы («Возлюбленной»)? Или точное русское воспроизведение других античных размеров («Июльский дождь», «Ночь»)? А рубаи? А рубаи на монориме с редифом («О душе»)? И ведь это не простое упражнение в мастерстве — тут перед нами в чистом виде явлено пресловутое соответствие формы содержанию.

Макаронические рифмы, коими любили (как правило, безо всякого особого повода) щеголять русские символисты, обыкновенно производят впечатление раздражающее. Но только не у Комкова, — у него такие рифмы всегда неразрывно связаны с образностью окружающего текста. Например, целая подлинная строка трубадура Джауфрэ Рюделя становится сонетным замком («Сонет-гротеск») и немедля порождает щемящие ассоциации — ничуть не менее щемящие, нежели те, что вызывает рефрен «Я ревную тебя к метели...» из поразительного стихотворения «Imprimptu». Подстрочных примечаний поэт, следуя традициям Золотого и Серебряного веков, не делает — но, полагаю, большой читательской беды в этом нет, ибо компьютер позволяет человеку любознательному получить искомую справку почти немедля.

Начальную (или переднюю) рифму русские авторы использовали сплошь и рядом — но много ли сыщется стихотворений, *целиком и полностью* на ней построенных и при этом не превратившихся в экзерсисы, от начала и до конца сохранивших поэтическую цельность и естественность?

ИНОЕ

Весть вспыхнувших слов —
Дар в зимней ночи.
Десть писчих листов.
Жар ветхой печи.

Слит с пламенем слух.
Сон к окнам приник.
Бдит сумрачный дух:
Звон длится лишь миг.

Стих — тающий след,
Взмах огненных крыл.
Тих тлеющий свет.
Прах сердце покрыл.

Явь щерится мглой,
Пир правит метель.
Навь сгинет золой.
Мир манит, как цель.

Для поэта мыслящего история и филология столь же неотъемлемо важны, сколь дебютная теория и приемы эндшпиля для серьезного шахматиста. На тихое вечернее вече явились Пенелопа и Ариадна, Орфей и Тантал, Эос, Геката и Мойры; прилетели Дедал с Икаром; пришел Софокл, незримо присутствуют на нем Эсхил и Данте, и Марк Аврелий щедро подарил автору заглавие прославленной своей книги: «[ΤΟ] ΕΙΣ ΕΑΥΤΟΝ». Перечень отнюдь не полон, а кое-кто из присутствующих стал на время актером, играет некую новую роль согласно своей природе; выступает в новом облике, отчасти либо полностью превращается в нашего современника.

Тут не показное авторское щегольство приобретенными познаниями (символисты, честно признаем, часто грешили этим). «В садах Афин и в термах Рима» («Sapientia mundi») Комков ощущает себя не посетителем, а обитателем, и тамошнее общество для него — не менее привычная компания, чем общество московских друзей и знакомых.

Владея несколькими языками, живыми и мертвыми, Олег Комков давно известен как прекрасный переводчик поэзии. В «Тихое вече» включен лишь один образец его переводной работы. Думаю, любой честный собрат-перелагатель искренне скажет: «сам бы подписался». По крайности, я скажу.

ИЗ ХУАНА РАМОНА ХИМЕНЕСА

Se entró mi corazón en esta nada...
Juan Ramón Jiménez. Sonetos espirituales, XLIII

В небытие душа моя вошла:
так упорхнувшая в испуге птица
порою, обезумев, очутится
в пустынной зале, где почил мгла.

И, расправляя робкие крыла,
летит туда, где бесконечность мнится, —
и вот уже озарена темница
обманом разноцветного стекла.

Но вновь и вновь о низкий небосвод
пичуга бьётся — и, ещё живая,
на миг замрёт, изодрана в клочки...

И упадёт в углу, забыв полёт,
и захлебнётся кровью, остывая
в агонии бессилья и тоски.

Продолжать ли? Есть ли в этом особая нужда?
Вспомним четыре строчки, написанные Маршаком:

— О чем твои стихи? — Не знаю, брат.
Ты их прочти, коли придет охота.
Стихи живые сами говорят,
И не о чем-то говорят, а что-то.

Пускай живые стихи Олега Комкова заговорят сами.
Заслушаетесь...

Сергей Александровский

ПРЕДСОНЬЕ

2010 – 2012

БЕТХОВЕНУ

Безумие постиг ты рано. Бредил ветер
в хрипящем сумраке надтреснутых пространств,
которые тебя исторгли. Звезд дыханье
ты осязал, как некий бог, бессмертной дрожью,
неведомой иным созданиям, что питают
сердечной муки плоть коловращеньем сфер.
К тебе взывала тьма – свечи порывом дробным,
как будто тщила изваять в священном танце
свою слепую тень. Сама судьба надсадно
стучалась в дверь. Один, в сквозящей пустоте,
ты пил немую боль отяжелевших листьев,
потухших всполохов, иссякнущих раскатов,
суставы погрузив в податливую кость.
Пылал поблекший лак, и колебались жилы,
подвздошным гулом наполняя небеса, –
и, ширя естество прерывистого мира,
как истомившийся по безднам жадный шквал,
в распахнутую тишь бесстрастного эфира
вонзалась музыка... Ее ты забывал
в бессильном, вязком сне, от тлеющих закланий
избавленный. Ты спал. И в падшей вышине,
как бесприютный дух, исполненный зачатий,
истаивал вовне твой нерожденный слух.

ОРФЕЙ

...И петь, немой судьбе наперекор,
На собственную тень едва взирая,
У сумеречных врат иного края,
Где гаснут хороводы бледных ор;

И, зыбким сном забывшись, вспоминать,
Как в *той* ночи, беззвучной и безлунной,
Струился голос лиры сладкострунной,
Слепую вечность обращая вспять.

IMPROMPTU

Я ревную тебя к метели,
Что постели белые стелет
Под холодным пологом неба,
Увлекая в шальную небыль
Фонари, фасады и крыши,
Всё, что ниже, и всё, что выше,
И узор, что на стёклах вышит,
Словно вьющийся пляс метели,
Что постели снежные стелет
Под холодным пологом неба.

Ты уходишь в шальную небыль,
В белизну, в извивы метели,
В переулки, в зыбкие ниши.
Сквозь узор, что на стёклах вышит,
Вижу пепельный полог неба,
Фонари, фасады и крыши:
Заметают снежная небыль
Всё, что ниже, и всё, что выше.

В изголовьи смятой постели
Серый сумрак на ладан дышит.
Я ревную тебя к метели,
К фонарям, фасадам и крышам,
К переулкам и зыбким нишам,
Ко всему, что ниже и выше
Под холодным пологом неба,

И уносит шальная небыль
Всё, чем был я и чем я не был,
В белизну, в извивы метели,

Что постели повсюду стелет.

Мне б забыться метелью, мне бы
Окунуться в зыбкие ниши,
Где шальная стелется небыль,
Осязая в извивах метели
Фонари, фасады и крыши,
Всё, что ниже, и всё, что выше,
И уснуть на снежной постели
Под холодным пологом неба,
Там, где был я и где я не был,
Там, где сумрак тобою дышит...

...В переулках ветер всё тише,
Опускается полог неба,
Осыпает зыбкая небыль
Фонари, фасады и крыши,
Лишь узор, что на стёклах вышит,
Словно вьющийся сон метели,
Той, в которой я был и не был,
Той, с которой я был иль не был
В забытии, на смятой постели,
Там, где сумрак на ладан дышит.

Я ревную тебя к метели...

ЭЛЬСИНОР

Истерзанные судорогой дней,
Напрасно ждём от смерти толкованья:
Мы – тени породивших нас теней
На выщербленных стенах мирозданья.

Клинок, петля, отравленный потир...
Иль нет на свете мудрости священной,
Чем знать, что искуплён сей шаткий мир
Чредой измен, проклятий и отмщений?

Что ж нам осталось? Разве видеть сны
В полночной мгле, сгустившейся до срока,
Где распахнётся вечной тишины
Бездонное, недремлющее око.

ACCIDIA

Иссякла ночь — и снова бледный день,
Пронизанный безмолвием звенящим,
Меж былью снов и мутным настоящим
Раскидывает призрачную тень.

В листах сокрыв болезненную лень,
Мой лавр устало притворился спящим...
Когда же вновь с тобою мы обрящем
Ветров и звёзд ласкающую сень?

И строчки падают, как лепестки
Увядших роз невидимого сада,
Бестрепетны, покорны и легки,

И слабым мановением руки
Сметается прозрачная преграда,
Что сладость отделяла от тоски.

СЛОВА

Скользит по радужной волне
Корабль в сияющем просторе,
А днище в тёмной глубине
Влачит живые тайны моря.

Так, тягостный собрав улов
Налипших истин, издалече
Плывут челны надмирных слов
Сквозь толщу человеческой речи

И вязнут, замедляя ход,
Притянутые влажной бездной.
Кто счистит наросль и вернёт
Слова их родине небесной?

***

Мелькнёт порою призрак лета
В просвете сна: из выюжной мглы
Увижу зелень бересклета
И сосен мшистые стволы.

Нахлынут образы приливом:
Росы лучистая игра,
И шелест крон в лесу шумливом,
И золотые вечера,

И лунный блеск ночных излучин,
Где в сонной, стылой тишине
Лишь плеск весла да скрип уключин
Подолгу внятны были мне...

3/5. ЭТЮД

Преизбыточество сновидческой канители
Над февральскими обесцветившимися буднями;
Одиночество несбывающейся метели,
Мимолётностями бесплотными, беспробудными
Обволакивающей выморочность постели.

Измывается лицедействующая вьюга,
Забавляется неиссчётными ипостасями
В обречённости рассыпающегося круга,
Где истаивают невыслушанные стасимы,
Тайноведеньем заворачивая друг друга.

Ни проклятья, ни искупленья, ни покаянья —
Только зыблется бестелесными обелисками,
Развевая полустлевшие одеянья
Над пространствами отдалившимися и близкими,
Утишающая оставленность недеянья.

ДЕРЕВЬЯ

Нести безмолвия живое бремя
всей плотью, от корней до тяжких крон,
всем существом, вырастающим во время,
природе воздвигая царский трон;

в твердынях чрев хранить родное семя,
пресуществовав веков глухой урон, —
о, с твердью твердь связующее племя,
чей каждый ствол — спасающий Харон!

Ужель судеб тугие узловины,
в наростах лет на сохнувшей коре
трудов и тел, увязших в бездне вещной, —

подобно вам, немые властелины,
сплетаясь и ветвясь, влекут горé
прозябший дар нетленности предвечной?

ВЕЧЕР

Окаменел сгустившийся покой
И света в небесах почти не стало —
Как будто ветхий дух провёл устало
По их челу замшелюю рукой.

И кажется, что в меркнувшей дали,
Где истлевает окоём багрово, —
Безмолвствует, огромно и сурово,
Как сновиденье, на краю земли
Ещё никем не сказанное слово.

ВЕСТЬ

Для тайны надобно немного:
Печаль в безветренной ночи
И несказанная тревога
В священной немоте свечи;

И на пороге душной яви
Прохладный шелест лёгких крыл,
Как будто сон, причастный славе,
У входа занавесь раскрыл.

ОТСУТСТВИЕ

Тверди чернеющий зев.
Воздух бесплотен и пуст.
Где-то меж сохлых деревьев
Редкий пророческий хруст.

Матовый отсвет слюды
В мёртвой прохладе песка.
Пальмовых листьев следы.
Пальмовой ночи тоска.

Нет на земле ни души.
Меры и времени нет.
Где-то в межзвёздной тиши
Сбилось движенье планет.

Мира истлели черты.
Страшен несбыточный час.
Вещая ночь пустоты,
Вечно впускающей нас.

Triduum Mortis 2012

SAPIENTIA MUNDI

В садах Афин и в термах Рима,
От вечности навеселе,
Неведенья венец незримо
Нести на праведном челе;

Иль, запершись в холодной келье,
Средь ветхих символов и числ,
Как чудодейственное зелье,
Впивать событий тайный смысл;

Зреть высший промысел в стихии,
На африканский выйдя брег;
Вещать в церквах Каппадокии
О естестве, поправшем грех;

Провидеть горние селенья
И, плоти преступив черту,
Входить, горя от вожделенья,
В блаженный мрак и немоту;

Иль, тешась праздною игрою
Пред шумным людом площадным,
Внимать незыблемому строю
В текучих жестах пантомим;

Дыханьем строк творить закаты,
Громады гор и бисер звёзд,
И сны, безобразно-крылаты,
Как в сумерках поющий дрозд, —

Навек безмерную тревогу
Вместила мира нищета:
Алтарь неведомому Богу —
Души священная тщета.

ДУИНО

Небо над горней клетью —
Словно хладная сталь;
Близкому новолетью
Внемлет, немея, даль.

Сердце внемлет, немея,
Дням, что таит простор;
Бледен, точно камья,
Сумерек стылый взор.

Грозно, из ниоткуда,
В замороженный час
Вдруг врывается чудо
Сонмом гласов и глаз.

Страшен трепет воскрылий,
Плоти дрожит юдоль;
Вновь из призрачных былей
В память вращает боль.

Вновь процветшая лира
Древний рождает стон,
Тёмную завязь мира,
Хрупкой души бутон.

Грех иль промысел рока —
Зрея в муках, терпеть
Вечность, куда до срока
Слову дано успеть?

АКРОПОЛЬ В НЕСЕБРЕ

Немых веков немыслимая кладь
низвергнулась на град, обрушив крыши;
как зов небес, в зияющие ниши
прохладно-голубая льётся гладь.

И чутким сном почиет благодать
меж пыльных плит, ниспосланная свыше
на холм и храм, и ветер выётся тише
над стогнами, отвыкшими страдать.

Я осязаю древний жар ступеней;
фракийский полдень, схваченный в тиски
ромейскою тяжеловесной аркой,

меня влечёт, незримой соткан паркой,
и крики чаек трепетно-близки,
как отзвуки священных песнопений.

июльский дождь

Дождливый полдень землю баюкает;
В дремоту вросший, медленно дышит сад,
Листы, напитанные влагой,
Тяжки, что сном налитые веки.

Стекает с неба время бессвязное,
И капли, словно тусклых мгновений рой,
Летят рассеянно сквозь ветви,
Шелестом смутным наполнив воздух.

И снится саду мглой осененная,
В печальных красках, осени поздней даль,
И бледен цвет неспелых яблок,
Точно виденье иного света.

***

Твой сон — дитя. Беспечною рукой
Погладит прядь, мерцающую златом,
И гасит явь, подобен тем закатам,
Что льнут устало к мягкой мгле мирской.

Ужель забыл о бытии крылатом,
К тебе прижавшись пухлою щекой?
И млеющий младенческий покой
Овеял губы млечным ароматом.

Твой сон — дитя. Ему приснишься ты,
Обласканная облаком постели,
Облечена в молчанье и мечты, —

И, к ночи прикасаясь еле-еле,
Блаженно мреют бледные черты,
Колеблемые в лунной колыбели.

АНАНКЭ

О, сколько б тусклый прах земных дорог
нога комедианта ни топтала,
вовек о скорбной участи Тантала
трубить надрывно будет древний рог!

Железной хваткой горло сдавит рок,
и вновь подъемлем с ревностью вассала
мы камни слов — священные кресала,
чтоб жертвы огонь возжечь в урочный срок.

В пылу агона нет с судьбою сладу;
как миф, страшна космическая роль, —
и, коль в игре добьемся мы успеха,

нам от богов достанутся в награду
пространства опрозраченная боль
и страждущих светил глухое эхо.

ВЕЧЕР

По небесам сновидческий покров
Простёрся вдаль, как бездна снеговая,
И вьются вихри, звёзды овевая,
В хрустальной мгле заоблачных миров.

Хрустит чуть слышно мёрзлая листва
В тиши, под чьей-то лёгкою ногою, —
И реет, внемля хрупкому покою,
Незримой сенью вечер Покрова
Над осенью, что райский стыд, нагою.

НОЧЬ

Таятся, чужды глазу-изгнаннику,
Все вещи, полнясь чудом и полночью;
Стоит безвиден храм вселенной,
Словно простор, потерявший меру.

Вот-вот шагнёт в умолкшие пустоши
Седое время смертною поступью:
Врата приотворив украдкой,
Смотрит с порога застывшим взором.

Но с нежной силой чьё-то дыхание
Утробу мглы колышет бездонную:
То чутко спит эон-младенец
В посеребрённой небесной люльке.

ПРЕДСОНЬЕ

Исчезанья час ежевечерний;
Что врата — сомкнувшиеся веки:
Положив предел дневному зренью,
Душу оставляют безысходно
Бредить неземным, ночным пейзажем.
Тишиной становится пространство,
Вязкой формой поглощая вещи,
Звуки, очертанья, обстоянья,
Расстоянья, вехи, вести, время,
Увлекая душу вместе с телом
В нежные объятья дальней близости,
Из которой зримы, словно в дымке,
Бытия мерцающие грани —
Всякий раз как будто бы впервые,
Всякий раз как будто бы в последний
Краткий миг...

Так благостна бывает,
Верно, близость океанской бездны,
Что, гудящей тишью оглушая,
Вдруг даёт почувствовать невольно,
Как стремится смертная природа
Быть посланьем — в небо, в вечность, в Лету?..

И душа уносится всё дальше
И, на волнах забвения качаясь,
Сладостно немеет и беспечно
Тонет в переливчатых пучинах,
Как письмо, доверенное морю
В крепко запечатанной бутылке;

Вот уже совсем её не видно,
И сама себя она не чувствует.

Кто ж остался в этом зыбком мире,
На остывшем берегу песчаном,
Где следы, что истекают смыслом,
Скоро станут чёрных волн добычей?
Страж иль призрак без души и тела,
Коему назначено до срока
Тосковать об излетевшем слове,
В сердце пустоту хранить смиренно
Да глядеть, как плаваются закаты
Сургучом над пожелтелой гладью?..

***

Как странно тускл осенних снов букет,
Беспомощных, что вымерзшие розы!
Лишь изредка прольёт скупые слёзы
Над ними время — сумрачный аскет.

И чувств благоухающий сонет
Сникает в стылом равнодушии прозы...
Как странно тускл осенних слов букет!

***

*Пред ким ће поћи да негде засни
Ледена звезда са речног дна?
Јован Дучић*

Тяжёл, как весть, полночной яви полог
Над мирным ложем призрачного сна.
В моих объятьях осень холодна,
И чёрный взор её прощально-долог.

Лучом тоски пронизана до дна,
Душа мерцает в сумраке, одна, —
Больной звезды оледеневший сколок.

ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

О, зачем так долго, с тоскою страстной,
Не пьянея, тщетно в себя вливаем,
Как вино из позднего урожая,
Терпкую осень?

Разве злomu времени можно верить?
Бросить вмиг способно, едва захочет,
На главы, как саван, небесный полог
Райского ложа!

Разве нечем больше наполнить чаши?
Есть в мехах сердечных вино иное:
Рдея, полнит вены блаженный нектар,
Дар Афродиты.

Ах, вкусим ли снова ненастной ночью
Мы с тобою этой священной влаги?
Стонет, бредит, стынет душа, тоскуя...
Кончится ль осень?

ЗИМНИЕ СУМЕРКИ

Зима пришла, как смерть, развязна,
Снегами твердь испепелив,
И дудки ветра треплют праздно
Её назойливый мотив.

Принарядившись по старинке,
Хрустит костями седой декабрь:
Близки весёлые поминки,
И полоумные снежинки
Во мгле танцуют danse macabre.

ПРИЗРАКУ ОТЕЛЛО

Для всех чужой, ты был годами пьян
Одной ненасыщающей любовью;
Но тайно вился змий по изголовью —
Седой, как небо, лекарь и смутяня.

И чёрный дух течёт бесплотной кровью
Из всех, отверстых в ночь, незримых ран,
И вновь зовёт кочующий обман
К огням пустынь, к последнему становью.

Во мраке яви топишь взор больной.
Там сон-скиталец бредит, будто Каин,
Безумной жертвой и сквозь мёртвый зной

Бредёт стезёй проклятья, неприкаян,
Но храм тоски обходит стороной,
Святых не смея причаститься таин.

МОНОДИЯ

Сведущее сердце, замолчи!
В сумраке, мерцая и маня,
Тихою отрадой для меня
Теплится безмолвие свечи.

Призраки истаявшего дня
Шепчутся в неистовой ночи.
Меркнувшее сердце, не шепчи,
Правду одиночества кляня!

Нежные заискрятся лучи
Ало-серебристого огня:
Выйди помолиться за меня,
Алчущее сердце, — и смолчи!

О ДУШЕ

1

Душа, как сон, безвидна и бледна.
В глубинах зыбких не отыщешь дна.
Ужель дано её измерить словом?
Ведь у души и слова суть одна.

Душа, как сон, бесплотна и бедна.
Лишь руку окуни — коснёшься дна.
Не так ли в каждом изреченном слове,
Что пустота, зияет суть одна?

2

Навеки слитый с явью сладкий сон — твоя душа.
Слепая тень, что в твой проникла сон, — моя душа.
Скажи: коль, ослеплённый сном, в тебе прозрею, разве
Одной душой не станет этот сон, моя душа?

TRE SONETTINI

Е.К.

I

Сокрыт во мгле мой сероглазый рай!
Обманутое, где-то бредит лето
Миражем непостижного Сполето
Под призрачно-шальной вороний грай.

Смеркается. Играй, душа, играй
Бесхитростный мотив полусонета!
Блестит во мгле мой сероглазый рай...

II

На каком несбывшемся причале
Это было? Как волна, бездонна,
Нежно-робкой поступью печали
Ты прошла, нездешняя мадонна.

С той поры один восход встречали
Мы с тобой... О нём ли грезишь сонно?
О каком несбывшемся начале?

III

Туманен взор — печальный хризолит,
Как память в лёгком кружеве метели;
Но мягки тени облачной пастели,

И сказкой день, что давний сон, разлит,

И в воздухе — морозный зов свирели...
Пускай тебя сегодня окрылит
Прозрачно-хрупкий ангел Рафаэля!

МИСТАГОГ

Александр Владимировичу Ващенко

Омыт священной свежестью дождей
твой тайный храм, где слышен рокот моря;
косноязычью Бога дерзко вторя,
ты за собой ведёшь земных вождей

сквозь тени слов — мерцающих идей —
в бездонный миф, где слиты в гулком хоре
покой и страсть, сон, бденье, счастье, горе,
текучий ямб и трезвенный спондей.

И памяти сверкающие шельфы
любовью наводняет тот же глас,
которому смутясь внимали гвельфы;

и перед взором просветлённых глаз
стоят во мгле миров, во всякий час,
бессмертным духом рдеющие Дельфы.

НОЧНОЙ ИКАР

Возможно ль, что, когда умолкло слово,
как перья крыл, развеявшись над морем
(молчанию тому с тоскою внемлем
поныне мы), — навеки не прервался
его немой полёт? быть может, в миг,
когда познал он дважды облик смерти:
сначала — ослеплённый близью солнца,
потом — проглоченный глухою бездной,
где под лазурью, призрачной и льстивой,
таятся тьма и хлад; быть может, в миг,
когда пространство обернулось ложью,
а истина, как боль, сдавила сердце
тисками неземного осязанья
и, как Протей, явилась неслиянным
слиянием стихий — и тяжкой влагой
наполнился сухой, прозрачный воздух,
и стал огонь могильною землёю, —
в тот безначальный, неделимый миг
младая жизнь, влекома притяженьем
суровой тайны, что питает звёзды,
скользнула в мир настолько же иной,
насколько ночь от века пребывает
иною дню, и в новой, чудной яви
одним и тем же сделались для духа
паренье и паденье?

Да, он стал
ночным Икаром, древним, словно тени,
спадающие с крыл полночной птицы,
и вечно юным, как хмельные боги,
что нежатся в лучах живого света,
зияющего тьмой.

Вообрази:
как тягостно и сладко погружаться
в тягучее, что патока, бессонье,
в текучий, вязкий, непробудный хаос
бессмертия! как благостно и страшно
с неуголимой жаждой пить до дна
пьянящий сумрак, растворённый ночью
повсюду и нигде, и, забывая
само забвенье, вторя славе отчей,
бесплотно возноситься, словно ястреб,
в нечаянно разверзшуюся пропасть
родных глубин — и падать, падать, падать,
сухим листом, мертворожденным камнем,
в пустынную, немую черноту
родных небес!

(О, быть как ночь, предвечным,
как эта ночь, незримым, вездесущим,
как ночь любви, безумным, ненасытным,
как ночи гнева, яростным и бурным,
как ночи горя, бледным и бессильным,
как ночь творенья, щедрым и надзвездным —
быть всем, как ночь!)

Гляди: живое тело
развеществленной мглы, густой и лёгкой,
спускается неспешно с небосвода
и ширится, втекая, будто омрак,
в седую явь; пресуществляя чувства,
всё глубже, глубже падает — и вот
уже совсем лишает нас простора
и в падшести многоочитой реет
над миром, где когда-то смолкло слово,
что твой Икар, ударившись о волны, —

и до рассвета делается нами,
в тоске всевластья смутно воплотив
неведомое существо полёта
для смертных душ.

Ты видишь ли, Дедал?

ИНОЕ

Весть вспыхнувших слов —
Дар в зимней ночи.
Десть писчих листов.
Жар ветхой печи.

Слит с пламенем слух.
Сон к окнам приник.
Бдит сумрачный дух:
Звон длится лишь миг.

Стих — тающий след,
Взмах огненных крыл.
Тих тлеющий свет.
Прах сердце покрыл.

Явь щерится мглой,
Пир правит метель.
Навь сгинет золой.
Мир манит, как цель.

ЭКСПРОМТ СТАРОМУ ГОДУ

Согбенный год не хочет уходить,
Хоть знает, что уже напрасно ждать:
Ему никто не сможет угодить,
И помыслов его не угадать.

Желанье ль напоследок загадать?
Иль молча до порога проводить?
А то ещё — загадку загадать...
Да вот впросак боишься угодить.

Как ни упрямясь, время уходить.
С уходом лишь приходит благодать —
Не прогадай! Ведь миг не упредить:
В него не угодить... не угадать.

ПРИСЛУШАЙСЯ

Прислушайся: в сердце — хрустальная тишь.
Лишь холод ласкает умолкшие струны,
Да ветер выводит незримые руны
В просторах, которым тоски не простишь.

Иль, может, простишь? Снежноликой зимы,
Приснившихся песен и праздника ради —
И звоном хрустальным взиграет в отраде
Прозрачная ночь, где потеряны мы.

Прислушайся: в мире — хрустальная тишь.
Чуть тронешь — осыпятся наземь осколки
Разбитой звездой с рождественской ёлки...
Ах, просто послушай! Услышишь — простишь.

ВЕЧЕР

Мы вновь — волхвы. Над снежной белизной,
Спелёная в колыбели рая,
Взошла звезда, младенчески играя
Сусальной мглой, знакомой и иной.

И мнится, будто от начала века
Мы слушаем, счастливые рабы,
Журчащий где-то родником судьбы
Глухой напев надзвездного ребёка,
Исполненный нечаянной волшбы,
Что древле — волоокая Ревекка.

ДАРЫ

1

Вдали от мира теплится очаг.
Сияет мир в младенческих очах.
Что в целом мире тише этой ночи? —
Лишь шорох крыл на ангельских плечах.

Как сердце мира, теплится очаг.
Сияет мир в младенческих очах.
Что нынче в мире злато, ладан, смирна? —
Пустой нагар на восковых свечах.

2

И тлели дни в безбрежной белой стыни,
И в жилах тѣк бескровный дух пустыни.
Воистину, звезда, безумен тот,
Кто бросил дом, взалкав иной святыни!

И ночь укрыла нас от белой стыни,
И прочь утѣк бескровный дух пустыни.
Воистину ль, звезда, безумен тот,
В ком тьма струится светом благостыни?

3

Чьей тайной славой мир пронзѣн до тла?
Ночь — как душа, сгоревшая дотла.
И, словно Бог, приют обетованный
Объяла мгла, не знающая тла.

Чьим тайным словом пройден мир до тла?
Душа — как ночь, сгоревшая дотла.
И тихо льѣтся с высоты востока
Святая мгла, нетленна и светла.

ТИХОЕ ВЕЧЕ

2013

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ

Прочь из плена зимы,
Грачьим гонимы граем,
Вновь спускаемся мы
В узкий, тёмный Мицраим.

О теснина тоски!
Там, за облачным краем,
Вновь объятий тиски
Нам раскроет Мицраим.

Вновь на струнах сердец
Скорбный мотив играем.
Близок мрачный гордец —
Вечный призрак, Мицраим.

Смертью древней, как тень,
Бредим иль умираем?
В ночь обращает день
Чёрной птицей Мицраим.

Се, парит до утра
Между адом и раем
Чёрный бессмертный Ра,
В смерти храня Мицраим.

ДВА НАВАЖДЕНИЯ

***

Крылом Икара тонет пальма
В бездонно-голубой тиши,
И сладкий голос: *calma... calma...* —
Доносится со дна души.

И пред оскалом зазеркалья,
Объято полднем забытья,
Как мантру, шепчет: *calla... calla...* —
Бессильно тонущее я.

***

Нынче небо звёздами скудно.
Полночь бредит, полуживая.
На волнах качается судно,
В стылой млечности истлевая.

Нынче небо на звёзды скупо.
Позабыла вепря борзая.
Лишь промчится ведьмина ступа,
Где-то в вечности исчеза.

УСТАЛОСТЬ СЛОВ

Слова порою словно устают
Звучать, пророчить, сказываться, значить:
Их так легко тогда переиначить —
И речь, как жизнь, обречь на неуют.

За говором расслышать не хотим,
Как у бескрылых слов дыханье сбилось.
Но вот — произнесенное забылось,
И где-то слово сладостно забылось
Желанным сном, тяжёлым и пустым.

ЛУКСОР

1

Среди колоссов и гранитных груд
с неуловимой статью махаона
в безмолвии застывшего эона
витают дух бесстрашной Хатшепсут.

Здесь мрамор хладен, как загробный суд,
и смерклося время милостью Амона.
Что мнится в смерти слуху фараона:
сребристый систр иль златозвонный уд?

Следит щербины, словно арабески,
непосвященный взгляд; и странно резки
изломы проступивших в камне черт.

Вдруг, отрезвленный тенью обелиска,
почует шаткий ум, как страшно близко
закатный дол за гранью гор простерт.

2

Склоняет взор палящее светило
пред бурым призраком державных Фив,
где, глину слова древле замесив,
судьба в безгласный сумрак исступила.

Всевластен запад, и восток ревнив:
рассёк пески клинок провидца-Нила.
Неужто смерть — гончарное горнило?
Неужто жизнь — необожжённый миф?

Днесь вечность, будто дремлющее эхо,
едва доносит зов священных сур
до теней, не взыскующих помина:

из времени исторгнутая вежа,
глядит вослед столетьям Ал-Кусур,
и терпкой тьмою пахнут зёрна тмина.

***

Опять под утро бредит февраль, опять
Бормочет что-то, будто прощаясь; иль
Прощенья просит, мелкой дробью
Талых слезинок стуча по стёклам?

Ты болен, знаю, бедный февраль... Едва
Дохнёшь, услышу хриплую весть: уже
Разлил в твоих прозрачных жилах
Вешний эол колдовскую свежесть.

Весь день с тобою брежу, о призрак, чьё
Глухое имя — словно озноб; когда
Прозябнет нег в хмурой тверди —
Вспомнишься ль сердцу хрустальным словом?

СНЕЖНЫЙ МОТИВ

Зыблется мартовский морок;
Втихомолку сыплется с неба
Летучее белое семя,
Над полями кружит печально,
По ветру потерянно вьётся,
А земли коснуться не может:
Заколдовано белое семя,
Будто небо, от века немо,
Будто слово, от века безгласно
И неизреченно, будто слава.
Кем обречено ты кружиться,
Искони обручено с кручиной?
Кто повелел тебе слушать
Завыванья ведуна-хладовея?
Слишком долго он причитает
Над своей несбывшейся весной!
Опадёшь ли, как наступит вечер,
Обернёшься ли саваном смертным
Иль венчальным станешь покрывалом?
Взойдут ли белые всходы
Поутру в оттаявшей стыни —
Нетленные тайные всходы
Белой были и ясной яви?

Сеет, сеет мартовский морок
Повсюду млечную заметь,
Белое летучее молчанье:
Вот над душой оно сгустилось
И слезами наполняет душу,
Словно чьё-то снежное горе
Или нежная чья-то песня...

***

Пока последний свиток дня
Ещё не оглашён, не прожит
И жрица-ночь ещё треножит
Вороногривого коня —

Прочи неслышно, не спеша
Слова прозрачного обета
И сказке тающего света
Внемли, послушная душа.

***

Вновь сумрак пуст... Хотя б на миг позволь
Глазам души, что вечно смотрят мимо,
Заметить, как во мгле неисследимо
Твоей судьбы истаивает боль.

Уйдёт ли с нею горечь снов, когда,
Искуплена бескровной жертвой снега,
В земле остывшей пробудится негa,
Младенчески лишённая стыда?

АРАБЕСКА

Ночная тьма устало истекла
В зеркальный плен оконного стекла –
И, млея, стекленеет в чёрной яви
Моя печаль, что лунный блик, тускла.

Когда б сумел извлечь я из стекла
Слезу, что по щеке во мглу стекла! –
Но час остекленел: зеркальной плотью
Мне душу ночь бесслёзно облекла.

НАВАЖДЕНИЕ

Заброшена в глухую пустошь лета,
Седая даль ночному внемлет зною;
И взор, приворожённый белизною,
Сквозит бесплотной близостью рассвета.

Весь мир вот-вот волшебю прояснится,
Одною немислимою слезою пролит;
И чей-то древний сон безмолвно молит
О том, чтоб словом вновь душе присниться.

***

От века мы догадкою больны:
Уснув, понять боимся снова,
Какие в смертном сне приснятся сны
И чем оборотится слово.

Провидческий отринув непокой,
Объяты явью, будто зыбью,
С бесслёзною и склизкою тоской
Привычно речь лепечем рыбью.

И в час, когда напомним властно ночь,
Как неизбывна даль сбыванья,
В словесной ступе нам не истолочь
Иосифова толкованья.

***

В пустотах угасающего дня,
До времени сокрывшего осанну,
Ищи не бледный призрак — не меня —
Но близкий вздох, которым завтра стану.

Текучих слов отшелестит молва,
Невнятная, что помавание вайи...
Так серебрится на ветру листва
Овеществленной вестью майи.

***

Вечер, тихое вече
Несокрытых вещей,
Пресуществленье речи
В чуткий, вещий ручей,

Мглы извечное древо,
Говор ветвистых рук,
Бездна древнего зева,
Зовом ставшая вдруг,

Млечный сон издалече,
Память смежённых век...
В глубь твою, человеке,
Вечер пророс, как век.

СОНЕТ-НАВАЖДЕНИЕ

Снова шепчет что-то в час рассвета:
может, Лета хладью всколыхнулась
и проснулась на одно мгновение,
шум забвенья расплескав для слуха?

Или глухо бредит призрак сада,
и надсада расщемляет звуки,
тишью муки душу оглашая,
как чужая повесть о потере?

Чьей-то мере нет простора в мире,
чьей-то шири не вместит окрестность,
и в безвестность отворится дверца.

А на сердце, что землёю стало
и устало дышит сном тумана, —
словно рана, болью зреет слово.

***

Моей души испещрены листы:
Знакомый почерк мелок и уборист,
Блуждает ум, не ведая черты,
Как ускользящий аорист.

Чем станут знаки в стынущих руках,
Когда уже не я — но странный некто
Очнётся вдруг от времени в тисках
Неумолимого перфекта?

Быть может, возвращусь я в письма —
Замкнувший круг творения пневматик, —
И будет вновь душа освящена
Прекраснейшею из грамматик?

***

Прощание — пречистая печаль,
Лишённая всего земного;
Слеза ль блеснула в сумраке, свеча ль —
Душа не соблазнится снова.

Прощание — прозрачная печать
На ледяных устах бывшего,
Молчание, зовущее прощать,
Как слышать призывало слово.

***

Дожливый день доверился строке,
К нездешнему взывая безответно, —
И вновь, как сон, явилась вдалеке
Высокой мглой окутанная Этна.

А где-то льётся жизнь, близка, тиха,
И, словно взор души, слезятся стёкла,
И дождь — как шум вспенённого стиха
Из прерванной поэмы Эмпедокла...

НАПУТСТВИЕ

О чём споешь пред ликом той зари,
Когда, разлитый пустотою рани,
Холодный свет прильнёт к саднящей ране?
— О, песнь мою с собою заberi!

О чём солжёшь пред ликом той души,
Которая, души в тебе не чая,
Совьёт мечту, печаль твою венчая?
— О, ложь мою отринуть не спеши!

О чём смолчишь пред ликом той земли,
Что чистую познала древле муку
И тайно холит каждую разлуку?
— О, лишь молчанью моему внемли!

ALTRI SONETTINI

1

Подобье ветра, звёздного легата,
В неслышимую близь небытия
Вольётся пресущественное я
Волнами бесконечного легато.

Ах, тешься, тешься, жизнь-ворожея,
Вкруг сонных душ медлительно струя
Ночей и дней глухое *obbligato*!

2

Превысшая дольних диковин —
Ума светотканное тело —
Душа сновиденье воспела,
И голос был кроток и ровен,

Как будто во мраке поспело
Высокое гроздьё часовен:
Без плоти. Без слов. *A cappella*.

3

Что хранишь во сне, моя ундина?
Мглу, где тайно зреет белладонна?
Варварскую прелесть ригодона?
Пламенную клятву паладина?

Ныне песни стылы. Сердце льдинно.
— *Ninna nanna*, маленькая донна...
Только ветер плачет *con sordino*.

***

Смиренномудрым светом поздней осени
мои глухие мысли осени,

сияющим безмолвьем белой замети
следы моей печали замети;

и непостижную тоской по времени
текучий ум смущать повремени:

позволь продлиться эхом древней повести
и в тишину кого-то повести.

СОНЕТ-ФАНТАЗИЯ

Вратиће се опет када лишће пане...

Јован Дучић

Мне тайный лик открыла вновь — не та ль,
Чьи сны лились, печальны и негромки,
Из мглы, где бредит у незримой кромки
В небытие отпущенная даль?

— Облеки, обними, обмани,
Обреки на последнее чудо
Распылённые в сумраке дни!

— О несчастный! я небыль, остуда,
Лихорадка продрогшей стерни...

— Но откуда твой свет?

— Ниоткуда...

И на ветру, как траурная шаль,
Волнами складок зыблются потёмки;
Оставив сердцу льдистых слов обломки,
Уходит прочь и гасит взор — не та ль?

КОГДА-НИБУДЬ

Когда-нибудь мотив стиха простой
Тебе напомнит о не бывшем с нами,
И семя слёз взойдёт глухими снами,
И гроздь слов нальётся пустотой;

Из океанской мглы бродячий вал
Немое, не моё прошепчет имя,
И эхом в горнем Иерусалиме
Бесплотно прозвенит золотой кимвал.

СОНЕТ-ЭЛЕГИЯ

Осени кончен псалом; к золотому прильнув аналою,
Молча над хладью мирской молится, вечно одна,
Зрит в несказанной дали утишающе-близкую заметь,
Млечную небыль меты, саван для сбывшихся нег.
Брошенный воздух трезвит, напоённый пречистою мглою:
Вновь распустила судьба нити святого рядна;
Слёзы нездешних деревьев — помышленья сгущаются в камедь:
Вязкую жертву стиха примет бестрепетно снег.

Ветры врываются в речь, как муссонные сны Диотимы,
Сорванным гласом листвы смутно вещая чрез нас
Нечто о мерклом былом, где, грядущей тоскою хранимы,
Души ласкают ещё талассы тёплый атлас.
Вскую недужную песнь посылают пророчицы-зимы?
В ней потаённое спит, век не смыкаючи глаз.

***

Я поздним сном, как ветер, засыпаю:
Едва колыша яви тихий шум,
Над осенью безвестной рассыпаю
Сухие листья нерасцветших дум;

И, кажется, навеки отпускаю
Обрекшуюся древле бытию
Тоску мою — немую Навсикаю —
Искать любви в немыслимом краю...

ТИШИНА

Стоит, как тьма, судьбы своей не чуя,
Как весть из чудной стороны,
Сквозит в ночи, таинственно врачуя
Недуг томящейся струны;

В безумьи дней — святое изумленье
Хранит, нечаянно слышна, —
Сновидцев-слов исток и исступленье —
Сказующая тишина.

СОНЕТ-РАПСОДИЯ

Что на кроснах твоих, Пенелопа?
Чьей судьбою дарованы нити?
Или вещую длань Ариадна
Протянула тебе через время?

Совладаешь ли ты, Пенелопа,
С бесконечною хрупкостью нити?
"Дар твой тяжек, сестра Ариадна,
Не соткётся текучее время!"

Разве слёзный сотку тебе саван,
А себе — асфodelевый пеплос,
В коем встречу рассветное небо..."

Отпусти в потаённое саван,
Распусти асфodelевый пеплос —
И на кроснах распустится небо.

ЭЛЕГИЯ

Унижена чредой волнистых лунных пятен,
Душа простёрлась вдаль немотствующей мглой;
Как тайна древних невм, извод её невнятен,
И перстью стелются снега, за слоем слой,
На потемневший лак безобразной иконы,
Пред коей меркнет мир, пред коей замер я,
Пока, презрев вещей зловещие законы,
Непостижимая вершится лития
Забвенья и судьбы.

И призрачные сроки
Исходят жертвой свеч, обетованьем встреч;
И в стылой пустоши истаивают строки,
Хранящие ещё не сказанную речь.

Ей внемлют ангелы, светлы и слезнооки.

УТЕШЕНИЕ

Воплощенья таинство и драму
Вновь следишь, когда ушли другие,
Уподоблен брошенному храму,
Где давно не слышно литургии.
На душе — что в каменном приделе —
Полумгла восходит душно, дымно:
В это утро сбывшейся недели
Здесь никто не возгласит прокимна,
Не прольёт елея славословий
В сердце, что колеблется бессильно...

Меркнет память: грустный взгляд воловий,
Хрупкий отзвук дальнего светильна,
Детский голос, и вертеп, и ясли —
И звезда внимает навечерью
В час, как небеса совсем погасли,
Неусыпной, ласковою дочерью.

Меркнет зренье: будто нет ни утра,
Ни пустынной хмари, ни тумана,
Будто с неба цвета перламутра
Опадает медленная манна,
Застит взор отсветами видений,
О которых мир — ни сном ни духом...

Ты стоишь, сокрытых полон бдений,

Погружён осиротелым слухом
В онеменение думы колокольной,
На краю тоски, любви, надежды —
А вдали дорогою окольной
За звездой вослед бредут невежды,
Темноокие цари Востока
С дорогими, странными дарами;
Долог путь, и доля их жестока,
Хоть приют уже не за горами
И прозреньем тихо зреют очи.

И в твоём застывшем средостеньи
Вечно мреет омрак этой ночи:
Се, волхвы проходят, словно тени,
Словно мысли, неотмирны, странны,
Сквозь глухую, гулкую обитель
Мимо смертной, животворной раны,
Что приял неведомый хранитель.

СНЫ

Иные сны истают, словно снег,
В нечувственной ночи смежённых век:
Бесплодной былью станут поутру,
Бесплотным следом схимника в миру.

Другие сны словуши, словно снег,
В нечаянной ночи смежённых век:
Осыплют манной и умрут к утру
Миротворящей смертью на миру.

А третьи сны похожи на тебя:
Благословить бессильны не любя,
Сияют белой болью, словно снег,
В отчаянной ночи смежённых век.

БЕЛЫЙ КОТ

Догадкой привечая каждый год,
Ты молвила, как в забыти Эдема,
Что снег — большой пушистый белый кот,
И было слово ласково и немо,
Подобно тем печалям, чей исход
Бредёт наощупь тайными ходами
Под спудом снов, осыпанных с высот
Незримыми небесными котами.

Где нынче он, кошачий наш народ,
Которым нежно были мы любимы?
Над солью дней застыл солноворот,
Какого отродясь не знали зимы.
Но вновь, почуяв средь земных пустот
Ищёптанный однажды млечный запах,
Твой снег — большой пушистый белый кот —
Крадётся с неба на бесшумных лапах.

***

...И весть была таким же близким чудом,
Как сон под утро или птичья трель,
Как поздний снег, упавший лёгким спудом
На нищий обезмолвленный апрель...

Неужто днесь и нам достанет слуха
Для дуновенья, веющего встречу,
Дабы невнятно, неотмирно-глухо
Плодоношенье сердцу вновь предречь?

***

Вы ли это, о мойры,
Пряхи мерклого мира?
Пряжа — брменная мера.
Прялка бредит, как море.

Вы ли бредите, мойры,
Мерой в пустошах мира?
Время — распря, химера,
Брод в безбрежности моря.

Вы ли бродите, мойры,
Брегом хмурого мира?
Мреет бремени мера
В неизведанном море.

Вам ли ведать, о мойры,
Время — горькое миро?!
Бездны горняя мера
Смертным брезжит, как море.

***

Мгновенноокиим взглядом василиска
В полдневный час, как птицу за окном,
Увидеть вдруг, недостижимо близко,
Свой странный образ в бытии ином —

И знать, что, чистотой неосязанья
Заворожён верней, чем смертным сном,
Не ведает о мире он двойном,
На смысл и явь оставив притязанья...

СОНЕТ-ВОСПОМИНАНИЕ

*Најбоље кад име у даху се смрзне
и остане тако, неизговорено.*

Владимир Јагличић

Не омрак и не явь, не облик и не мгла —
Как заметь на Покров, кристалл во тьме сознанья:
И пристально гляжу сквозь призрачную грань я
На сны, которых жизнь коснуться не смогла.

И чья-то бредит речь, текучая, шаманья,
И мнится: за спиной — стоокие крыла,
И отразят ума немые зеркала
Всепоглощающую боль воспоминанья.

Но прошлогодний снег развеян, словно прах,
В надмирной пустоте, где отсверки мгновений
Мерцают издали, что замки горних душ, —

И лишь земной души нехоженная глушь
Услышит, как шумит, всех болей сокровенней,
Дыханье имени в космических ветрах.

СОНЕТ-ПРОТЕСК

Из грёз, набросанных вчерне,
Далёким отпуском вечерни
Над лунной пустошью Оверни
Воскреснет речь твоя во мне —

И уподобится вполне
Душа сивиллиной каверне,
И винный дух в сырой таверне
Восшепчет о чужой вине...

Пока судьба, ещё немая,
Бредёт овита навью мая,
Испей забвенья — и внимай,

Как бредит пеннистая Лета,
Забывшись в гуще бересклета:
Lanquan li jorn son lonc e may...

ЦВЕТЫ

*Какав ће Васкрс бити
ако су овакве Цвети!*
Вера Хорват

Сноликие созданыя темноты,
В неслышной музыке проросшие длинноты,
Созвездья зорь, что взор небес, просты,
Росою сотканые соты;

Плотские мысли духовидцев-дней,
Заворожённые медлительностью бдений,
Кадильницы над капищем корней,
Пресветлых полные курений;

Прозрачностью имён окроплены,
Чревовещатели божественного плена:
Меж лепестков, как зов из купины,
Кипит волны эгейской пена! —

Какой обряд в безжертвенном дыму,
Какое таинство вершить, какую думу
Творить над вами стихшему уму,
Вовек земному вторя шуму?

ИОНИЧЕСКИЕ СОНЕТЫ

Ангелосу Сикелианосу

1

Явился вновь лазурный сон, из отсветов заката,
Из рос денницы сотканный и синей мглы полудней,
Украшенный соцветьями боготворящей пены,
Что млели зачарованно, послушны флейтам ветра,
И, словно совлекла на миг снолика Геката
С миров священный свой покров, трезвей и непробудней
Предстала явь, и светлый шум в глухие хлынул вены,
Как шум стихов, исполненных неслыханного метра,

И мира тройственный покой животворил стихии
И безраздельно властвовал в родном самодвиженьи
Полночных недр и полных вод и в пеньи небосвода,
И, древле опьянённые простором евтихии,
Цвели в уме, не ведая о смертном отраженьи,
Святые мысли талассы — мой сон, и зов, и ода.

2

О тайном ритме времени дремотно говорила
Со мной вечерняя волна, о благодатном даре
Закатов, что в безмолвие пресуществляют пламя,
Дабы надёжней сохранить пылающие лики
Вещей от смертных глаз — и там, где вечной повилики
Жгуты опутывают плоть, меж тусклыми стволами
Забывших речь древес, беречь побеги Божьей твари
Для возрастанья в тишине, чья высь прозрачнокрыла,

И волноока, и чиста; и, словно дым светилен,
Был говор вод несбыточен в голубизне простора,
И облака нездешние, как тени слов, редели,
И тихо грезил окоём тонами асфодели,
Внимая песнопениям неслышимого хора
Долин, где голос полночи всеведущ и всесилен.

3

"Я — только слух", — безмолвствовал небесносущный ветер,
До срока затаившийся над сивой дымкой моря.
"Я — только взгляд", — смущённая, алела тихо Эос,
Как сновиденье, восходя в немую душу мира.
"Я — только глас", — обмолвился заветной тайной ветер,
Бесплотными воскрыльями коснувшись плавни моря.
"Я — только свет", — истаяла смиренномудро Эос
В исполнившейся пустоши лазоревого мира.

Так светогласым божеством рождалось въяве слово
О древнем веществе стихий, разлитом в лоне моря,
О вечной юности времён в святой софии мира;
И странно вторила душа, едва обретши слово:
"Я — только слух, я — только взгляд над полноводьем моря,
Я — только глас, я — только свет небесной вести мира".

4

Смиренно щедрые дары приносит смертным утро:
Священным золотом песка наполненные чаши,
Небесно-бирюзовую купель для омовений,
Юдоль души украсивший венец из перламутра,

И тайнообразную мглу над глыбами сапфира,
И кущ масличных фимиам, и нектар дуновений,
И вещей белопенный шум, что всех созвучий краше
Благовестит о пламенном безмолвии эфира,

О вечном бдении светил над лучезарной бездной,
О снах, объяввших естество космического лимба
По мановению судьбы, торжественно и мудро,
Чтобы на краткий миг явить, как за чертой небесной
Из ионической дали к подножию Олимпа
Смиренно тварные дары несёт бессмертным утро.

5

Се, чайка белой мантисой волхвует в запустеньи
Над опрозраченной волной, где золотые нити,
Что золотые грёзы нимф иль душ небесных тени,
Колышутся, рождённые в пылающем зените,
И вновь лазоревую высь немое полнит пенье,
Чьи слова надвременны, как надпись на граните:
"Внемлите, земнородные, лучам, волнам и пене,
Пред солнцеликим естеством главы свои склоните,

Чтоб синюю мистерию узреть в полдневном зное
И над мерцаньем талассы, подобным тайной речи
Листвы, серебряною мглой вещающей иное,
В смешении ветра и огня, простёршемся далече,
Постигнуть вечность — и на миг, в священной метанойе,
Возжечь лазурного ума сияющие свечи!"

***

Когда душа опять пустеет в мире,
Где каждый миг — и жертва и палач,
Щедрее льётся из полдневной шири
В глаза и уши бирюзовый плач

О тех, чей сумрак был священно-светел
Над бездной дней, что к бытию глуха,
О тех, кто смертной немоте ответил
Тайнорожденной мудростью стиха.

***

Улыбнись, как прежде, вестница
Вечно близкой сердцу замети!
Поздний луч истаёт в памяти,
Словно ангельская лестница.

Золотым устелешь ворохом
Для ума святое логово:
Да воздам последним шорохом
Птице — птичье, Богу — Богово.

КОНЕЦ СЕНТЯБРЯ

Всё кажется: длиннее стали дни
И бредят явью странного обряда,
Как чьих-то взглядов бледные огни,
Как чьих-то душ последняя отрада.

И опустело внемлет слух вещей,
Преображённых призрачностью дленья,
Как смертью зачарованный Кашей
В златой тщете взыскует молча тленья.

СОНЕТ-НОКТЮРН

Млечной, как древле, земле
Снится теней листопад.
Медленно тлеющей мгле
Отдан до времени сад.

Светы нетленных лампад
Стынут на призрачном тле.
Льдинный, невиданный ад
Зыблется в лунном котле.

Ранним безмолвием слов,
Будто лишённые снов
Тайные мира грехи,

Сквозь исступленье и хлад
Льют искупленье и лад
В душу ночные стихи.

ПЕЙЗАЖ

Когда сознания тягостные mreжи
Таящуюся упускают суть,
Взгляни туда, где воздух легче, реже
И мреет зимний путь,

Где близких сводов чистая излука
Покоится, как миг напряжена —
На хрупкой грани тишины и звука
Застывшая струна,

Горé простертый мир прими сурово:
Взойти, быть может, и тебе дано
В альпийский сон предсказанного слова,
Что, словно мысль, одно.

ΕΙΣ ΕΛΥΤΟΝ

Вспоминаешь ли, Марк Аврелий,
ясновидец осенней славы,
о глухой нищете апрелей,
что порою бывали правы
в исступлении своём и вере?
Во вселенной темно и тихо,
и предчувствуют голод звери
и пытаются немое лихо
непроглядным от яви взором.
Что отдашь на пороге стыни
этим алчущим воли сворам,
позабывшим о благостыне
в бесконечной душевной брани?
Схорони плотяное сердце
под лиственным покровом рани:
пусть судачат об иноверце
не испившие той лазури,
пред которой любое благо —
только душная тень авгурий
иль заблудшее слово мага,
с горьковатым дымком Египта.
Схорони плотяные мысли
в глубине золотого крипта:
в час, когда небеса нависли,
как судьба, над юдолюю тела,
пусть иные рекут пророки
о душе, что уснуть успела,
и восходят, легки, стооки,
по хребтам поражённых бестий.

Что ты отдал, о Марк Аврелий,
за простор несокрытой вести,

за безмолвие птичьих трелей —
этой осенью, полной боли,
этой осенью поздней мира?
Не увидеть воочью боле
ни любви, ни войны, ни мира,
ни людей, ни богов, ни ада —
благодарная жертва слова,
благодатная жатва взгляда,
что под сенью ночного крова
неизбывно, как время, длится
на оркестре, утопшей в Лете.
И, под масками спрятав лица,
точно зимние сны о лете,
бестревожно проходят мимо
то ли эллины, то ли скифы,
а быть может, герои Рима —
и танцуют седые мифы
в отрешённости хладной славы,
вдалеке от глухих апрелей,
что порою бывают правы...

Это ль счастье, Марк Аврелий?

ТРИ ПОСТЛЮДИИ

1

Когда пленит осеннюю камену
Халдейскою волшбою снеговой
И взгляд седая даль застелет блёкло,

Постигнешь ли родную ойкумену,
Что явится сквозь письма ветвей —
Суровая, как вещий хор Софокла?

2

Метелью правит воздух, словно маг,
Замедленный рассеивая взмах
В просвете мглы — расколотой амфоры,

Пролившей тайну зимнего вина
На мир, повинный в хладной драме сна,
Где мерклым эхом стонут хозфоры.

3

О чём угрюмо немотствует сказ
Пифических теней на небосклоне?
Таи лазурь, дымящийся топаз! —

И день, подобный мраморной колонне,
Пресуществится в сумрачный экстаз,
Что поздний глас, истаявший в Колоне.

СИЦИЛИАНА ДЛЯ ЮЛИАННЫ

Расскажи, давно ли нас манили
Шанский шёлк и золотая смальта,
Ночь на Темзе и восход на Ниле,
Гулкий Сплит и каменная Мальта?
Словно стон на старой кампаниле,
Таёт небывалый наш Риальто,
Выгнувшийся тенью Эфиальта
В заревом предсумрачном горниле.

Мы — всего лишь грёзы, Юлианна,
Мреющие в призрачном июле,
Древние, что дали Ханаана,
Долгие, что грозы над Фриули.
Омраком потухшего кальяна,
Следом ветра на бесплотном тюле
Веет песнь, в которой мы уснули,
Шепчут волны alla siciliana...

***

Я странником себя не назову:
Из года в год, покоя полн иль гнева,
Слежу, как за окном одно и то же древо
Роняет и рождает вновь листву.

Но тайный взор в разрыве бытия
Разверзся, будто целым миром ранен, —
И прозреваю вдруг, что целый мир мне странен
И, точно призрак, миру странен я.

ИЗ ХУАНА РАМОНА ХИМЕНЕСА

Se entró mi corazón en esta nada...

Juan Ramón Jiménez. Sonetos espirituales, XLIII

В небытие душа моя вошла:
так упорхнувшая в испуге птица
порою, обезумев, очутится
в пустынной зале, где почил мгла.

И, расправляя робкие крыла,
летит туда, где бесконечность мнится, —
и вот уже озарена темница
обманом разноцветного стекла.

Но вновь и вновь о низкий небосвод
пичуга бьётся — и, ещё живая,
на миг замрёт, изодрана в клочки...

И упадёт в углу, забыв полёт,
и захлебнётся кровью, остывая
в агонии бессилья и тоски.

СВЕТИЛЕН

Погасит Анна в храме свечи,
Вечерни истечёт зон,
Сокроется во мраке встречи
Богоприимец Симеон.

И, осененному Селеной,
Мне станет сызнова близка
Развоплотившейся вселенной
Многоочитая тоска,

Когда, осыпав тени снов
На полог смертного алькова,
Превыше слития мирского
Душа родной отыщет кров.

***

В несуетность изгнания отчаль,
Король-рыбак, лишённый снов и свиты!
Как вервия сетей, надёжно свиты
Твой ветхий грех и вещая печаль.

Как прежде, в первой вешней пустоте
Прозябла завязь молчаливых песен,
И прежний голос, чист и бестелесен,
Им вторит. Но слова уже не те.

***

ἄνθρωπος ἐστὶ πνεῦμα καὶ σκιά μόνον
Soph., fr. 13

Изваяны из вещества и света,
под своды мира входим, словно тени,
не замечая собственных теней.

И вглубь растём, по гулким галереям
скользя сквозь вечно медлящее время
к последней и пустой алтарной мгле.

И чем верней предчувствие предела,
тем чаще смотрим вспять, навстречу свету:
и тяжелее бремя длинной тени,
и тягостней тоска по тени вечной...

***

Вадиму Молóдому

От первой до последней немоты
пройти межой молчания и речи,
до древней глины в сказочном Двуречьи,
где время обрело свои черты,

где вещи утешающе просты
и тишью веет их ночное вече,
и звёзды говорят по-человечьи,
и внемлют вести камни и кусты.

И посвящённым сделаться, когда,
свой клинописный облик узнавая
в наречьях, не оставивших следа,

душа пресуществится — и, живая,
не призраком покинет плоть мою,
но словом, возвращённым бытию.

POST SCRIPTUM

2015 – 2016

***

Сергею Александровскому

Невнятным сном, что снится вещей лире,
нечаянной освобождён весной,
до времени исчезнет где-то в мире
печальный джинн, однажды бывший мной,

и, как мираж, войдёт в амарнский зной,
и станет мглой, почившей на менгире,
и взвеет пыль в заброшенной Стагире —
всему причастный и всему иной.

О той ли доле грезил в рабьем зраке
провидец Ариэль? По чьей вине
мы немые, как магические знаки,

и древле Одиссей страдал вдвойне,
не ведая, что ближе всех к Итаке
он был, когда встречал её во сне?

***

Юрию Лукачу

Пора, мой римский призрак, нам уйти
туда, где тлеет свет на камне узком,
швырнуть останки сердца трясогузкам
и впредь к бессмертью не искать пути,

но, пепел тишины храня в горсти,
смиранным уподобиться этрускам —
и, может быть, в глухом напеве русском
спустя столетья душу обрести.

Безумной паркой брошенную нить
колдунья-жизнь подцепит ветхой спицей,
вплетёт в узор из потайных узлов, —

и будет нас незримое манить
опять, как даль полдневных ауспий,
где немотой сокрыты судьбы слов.

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Александровский. БЕССМЕРТНЫМ ДУХОМ
РДЕЮЩИЕ ДЕЛЬФЫ 4

ПРЕДСОНЬЕ (2010 – 2012)

БЕТХОВЕНУ 11
ОРФЕЙ 12
IMPROMPTU 13
ЭЛЬСИНОР 15
ACCIDIA 16
СЛОВА 17
"МЕЛЬКНЁТ ПОРОЮ ПРИЗРАК ЛЕТА..." 18
3/5. ЭТЮД 19
ДЕРЕВЬЯ 20
ВЕЧЕР ("ОКАМЕНЕЛ СГУСТИВШИЙСЯ ПОКОЙ...") 21
ВЕСТЬ 22
ОТСУТСТВИЕ 23
SAPIENTIA MUNDI 24
ДУИНО 26
АКРОПОЛЬ В НЕСЕБРЕ 27
ИЮЛЬСКИЙ ДОЖДЬ 28
"ТВОЙ СОН - ДИТЯ. БЕСПЕЧНОЮ РУКОЙ..." 29
АНАНКЭ 30
ВЕЧЕР ("ПО НЕБЕСАМ СНОВИДЧЕСКИЙ ПОКРОВ...") 31
НОЧЬ 32
ПРЕДСОНЬЕ 34
"КАК СТРАННО ТУСКЛ ОСЕННИХ СНОВ БУКЕТ..." 35
"ТЯЖЁЛ, КАК ВЕСТЬ, ПОЛНОЧНОЙ ЯВИ ПОЛОГ..." 36

ВОЗЛЮБЛЕННОЙ 37
ЗИМНИЕ СУМЕРКИ 38
ПРИЗРАКУ ОТЕЛЛО 39
МОНОДИЯ 40
О ДУШЕ 41
TRE SONETTINI 42
МИСТАГОГ 44
НОЧНОЙ ИКАР 45
ИНОЕ 48
ЭКСПРОМТ СТАРОМУ ГОДУ 49
ПРИСЛУШАЙСЯ 50
ВЕЧЕР ("МЫ ВНОВЬ - ВОЛХВЫ. НАД СНЕЖНОЙ
БЕЛИЗНОЙ...") 51
ДАРЫ 52

ТИХОЕ ВЕЧЕ (2013)

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ 54
ДВА НАВАЖДЕНИЯ 55
УСТАЛОСТЬ СЛОВ 56
ЛУКСОР 57
"ОПЯТЬ ПОД УТРО БРЕДИТ ФЕВРАЛЬ, ОПЯТЬ..." 59
СНЕЖНЫЙ МОТИВ 60
"ПОКА ПОСЛЕДНИЙ СВИТОК ДНЯ..." 61
"ВНОВЬ СУМРАК ПУСТ... ХОТЯ Б НА МИГ ПОЗВОЛЬ..." 62
АРАБЕСКА 63
НАВАЖДЕНИЕ 64
"ОТ ВЕКА МЫ ДОГАДКОЮ БОЛЬНЫ..." 65
"В ПУСТОТАХ УГАСАЮЩЕГО ДНЯ..." 66
"ВЕЧЕР, ТИХОЕ ВЕЧЕ..." 67

СОНЕТ-НАВАЖДЕНИЕ 68
"МОЕЙ ДУШИ ИСПЕЩРЕННЫ ЛИСТЫ..." 69
"ПРОЩАНИЕ — ПРЕЧИСТАЯ ПЕЧАЛЬ..." 70
"ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ ДОВЕРИЛСЯ СТРОКЕ..." 71
НАПУТСТВИЕ 72
ALTRI SONETTINI 73
"СМИРЕННОМУДРЫМ СВЕТОМ ПОЗДНЕЙ ОСЕНИ..." 74
СОНЕТ-ФАНТАЗИЯ 75
КОГДА-НИБУДЬ 76
СОНЕТ-ЭЛЕГИЯ 77
"Я ПОЗДНИМ СНОМ, КАК ВЕТЕР, ЗАСЫПАЮ..." 78
ТИШИНА 79
СОНЕТ-РАПСОДИЯ 80
ЭЛЕГИЯ 81

ΕΙΣ ΕΑΥΤΟΝ (2014 – 2015)

УТЕШЕНИЕ 82
СНЫ 84
БЕЛЫЙ КОТ 85
"...И ВЕСТЬ БЫЛА ТАКИМ ЖЕ БЛИЗКИМ ЧУДОМ..." 86
"ВЫ ЛИ ЭТО, О МОЙРЫ..." 87
"МГНОВЕННООКИМ ВЗГЛЯДОМ ВАСИЛИСКА..." 88
СОНЕТ-ВОСПОМИНАНИЕ 89
СОНЕТ-ПРОТЕСК 90
ЦВЕТЫ 91
ИОНИЧЕСКИЕ СОНЕТЫ 92
"КОГДА ДУША ОПЯТЬ ПУСТЕЕТ В МИРЕ..." 95
"УЛЫБНИСЬ, КАК ПРЕЖДЕ, ВЕСТНИЦА..." 96
КОНЕЦ СЕНТЯБРЯ 97

СОНЕТ-НОКТЮРН 98
ПЕЙЗАЖ 99
ΕΙΣ ΕΑΥΤΟΝ 100
ТРИ ПОСТЛЮДИИ 102
СИЦИЛИАНА ДЛЯ ЮЛИАННЫ 103
"Я СТРАННИКОМ СЕБЯ НЕ НАЗОВУ..." 104
ИЗ ХУАНА РАМОНА ХИМЕНЕСА 105
СВЕТИЛЕН 106
"В НЕСУЕТНОСТЬ ИЗГНАНИЯ ОТЧАЛЫ..." 107
"ИЗВАЯНЫ ИЗ ВЕЩЕСТВА И СВЕТА..." 108
"ОТ ПЕРВОЙ ДО ПОСЛЕДНЕЙ НЕМОТЫ..." 109

POST SCRIPTUM (2015 – 2016)

"НЕВНЯТНЫМ СНОМ, ЧТО СНИТСЯ ВЕЩЕЙ ЛИРЕ..." 110
"ПОРА, МОЙ РИМСКИЙ ПРИЗРАК, НАМ УЙТИ..." 111

